

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава сорок девятая

«Вышли в жизнь романтики...»

Опять телячьи вагоны

Большинству студентов, ехавших на целину, телячьи вагоны были в новинку, а я в них наездился и в войну, и во время солдатчины. В нашем эшелоне только один вагон, головной, тот, что за паровозом, был пассажирский. В нем расположились начальники отрядов нескольких столичных институтов: авиационного, металлургического, автодорожного, литературного и нашего, областного педагогического.

Пассажирский вагон был ничем не украшен, а на наших телячьих, не отмытых от грязи и копоты, были натянуты кумачовые полотна с лозунгами вроде «Комсомольцы – беспокойные сердца» и «Даешь казахстанский миллиард!». Вагон моего исторического факультета был украшен цитатой из Маяковского: «Если тебе комсомолец имя, имя крепи делами своими!».

Мы ехали крепить его, как нам сказали, на два месяца (на самом деле получилось три с лишним), но провожавшие студентов родители вели себя так, будто провожали своих еще не повзрослевших детей на фронт. Дети старались держаться мужественно, как и полагалось будущим фронтовикам. По радио специально для отъезжающих передавали концерт. Какой-то актер читал подходящие к случаю стихи Роберта Рождественского: «Вышли в жизнь романтики, / ум у книг занявшие, / кроме математики, / трудностей не знавшие...» Среди таких романтиков я был редким исключением.

Время от времени я перебежал из своего вагона к филологам – они мне были интереснее. Среди них оказались два начинающих литератора, один из которых, Олег Чухонцев, станет известным поэтом, а другой, Георгий Полонский, киносценаристом, автором сценария фильма «Доживем до понедельника». Познакомился я и с другими будущими филологами.

Нина и Ирина

Одно знакомство, происшедшее на станции Рузаевка, следует описать отдельно. Там у нас была долгая остановка с обедом, после которого мы с Чухонцевым, прогуливаясь по шпалам соседнего пути, встретили двух девушек, рыжую и блондинку, в байковых лыжных костюмах. Олег нас представил друг другу. О рыжей Нине (имя изменено) я был очень наслышан. Гордость института, круглая отличница, ленинская стипендиатка, автор научных работ, открывавших ей, бывшей уже на пятом курсе, прямую дорогу в аспирантуру. Второй была второкурсница Ирина Брауде, чье имя я слышал впервые. Но обе мою фамилию знали – читали стихи в «Народном учителе». Я сказал, что у меня есть кое-что получше, и прочел недавно сочиненное стихотворение, навеянное еще не остывшей памятью об армейской службе. Оно сыграло в моей судьбе заметную роль, поэтому приведу его целиком: «В сельском клубе разгорались танцы. / Требувал у входа сторож-дед / корешки бухгалтерских квитанций / с карандашной надписью «билет». / Не остыл от бешеной кадрили, / танцевали, утирая пот, / офицеры нашей эскадрильи / с девушками местными фокстрот. / В клубе поднимались клубы пыли, / оседая на сырой стене... / Иногда солдаты приходили / и стояли тихо в стороне. / На плечах погони цвета неба, / но на приглашения солдат / отвечали девушки: «Нэ трэба. / Бачь який охочий до дивчат!» / Ночь, пройдя по всем окрестным селам, / припадала к потному окну. / Видевшая виды радиоло / была, как собака на луну. / После танцев лампочки гасились. / Девичьих ладоней не пожав, / рядовые молча торопились / на поверку, словно на пожар. / Шли с несостоявшихся свиданий, / зная, что воздастся им сполна, / что применит к ним за опозданье / уставные нормы старшина. / Над селом при-

...Я был Ириной очарован и восхищен, однако ни на что большее не рассчитывал. Я не мог себе представить, что она в конце концов станет моей женой, первым читателем всего, что будет мною написано, и высшей оценкой моих текстов на всю жизнь станет ее одобрительное «ничего». Мы с Ириной прожили сорок лет. Она умерла у меня на руках 4 января 2004 года и похоронена на Северном кладбище города Мюнхена.

тихим ночью стояла... / Ничего не зная про устат, / целовали девушку устало / у плетней женатый комсостав».

Девушки выслушали стихи снисходительно. Нина странно усмехнулась и промолчала, а Ирина оценила одним словом: «Ничего».

Эта встреча стала началом двух событий в моей жизни. Нина привлекла меня своей незаурядной ученостью, и мы с ней очень скоро вступили в странную связь, которую условно можно было назвать романом. А с Ириной завязались отношения платонические. Я был ею очарован и восхищен, но ни на что большее не рассчитывал и не мог себе представить, что она в конце концов станет моей женой, первым читателем всего, что будет мною написано, и высшей оценкой моих текстов на всю жизнь станет ее одобрительное «ничего».

Мы с Ириной прожили сорок лет. Она умерла у меня на руках 4 января 2004 года и похоронена на Северном кладбище города Мюнхена.

Гоголевские фамилии

Конечным пунктом нашего путешествия оказалась Поповка, одно из трех сел, входивших в колхоз имени Тельмана. Колхоз этот был не целинный, а образованный давным-давно. В одном селе жили немцы, изгнанные из Поволжья в 1941 году, в другом чеченцы, сосланные в эти места тремя годами позже,

а жителями Поповки были давние, еще с конца XIX века, украинские переселенцы с гоголевскими фамилиями: завскладом Тюлькин, завклубом Бородавка, бригадир Желтоножко, парторг Пятница, председатель Жилин и тому подобное... В первой моей повести «Мы здесь живем» я не удержался, дал вымышленным персонажам реальные фамилии и боялся, как бы не произошло из этого неприятностей. Книжка моя до Поповки, наверное, не дошла, никакой реакции на нее от тамошних обитателей не последовало.

К нашему приезду ничего в Поповке приготовлено не было. Наши вещи свалили у колхозного клуба, а нам выдали по черному мешку и повели за деревню к скирде соломы. Набив мешки соломой, мы превратили их в матрасы. В главном клубном зале разложили матрасы вдоль стен и расположились вперемешку: мальчики-девочки.

Колхозники относились к нам с откровенным презрением. Насмехались над неловкостью, с которой городские ребята орудовали лопатами, вилами и граблями. Меня выделяли, потому что я эти инструменты давно освоил, а со всеми остальными себя вели, как с ничего не умеющими нахлебниками. Ребята и в самом деле мало чего умели, но все-таки нахлебниками были скорее сами колхозники. Студенты, живя в намного худших условиях, работали для колхоза тяжело, неэффективно, зато практически бесплатно.

Мелкое начальство при этом бдительно

следило за нравственностью студентов. Оно было уверено, что в клубе каждую ночь происходят оргии, и считало своим правом и обязанностью такого безобразия не допускать. Время от времени бригадир, парторг или завклубом в сопровождении наших начальниц-преподавательниц врываются в клуб с инспекцией, неожиданно включали свет и быстро скользили глазами по рядам спящих в надежде кого-нибудь застать врасплох.

На самом деле студенты и студентки были невинны и застенчивы. Хотя и спали практически вплотную друг к другу, но спали в буквальном смысле. Хотя без вздохов и робких касаний, а у кого-то, может быть, и без ночных поллюций не обходилось.

Остаточная деформация

Первым делом, к которому нас по приезду приспособили, была заготовка силоса. Комбайны косили и ссыпали в грузовики недозревшую кукурузу (стебли и листья), которая доставлялась затем к месту на окраине Поповки, называвшееся силосной ямой. На самом деле это была не яма, а куча, которая постепенно росла. На кучу въезжала очередная машина, и два студента, работая вилами, ее разгружали. Затем на кучу взбирался гусеничный трактор и, двигаясь вперед-назад, ее утрамбовывал. После чего разгружалась следующая машина. Разгружать силос оказалось куда тяжелее, чем это можно было представить. Кукурузные стебли, изорванные и измочаленные комбайном, перепутавшись, сцеплялись между собой так крепко, что выдирать их приходилось клочьями с большим усилием.

Работая на силосе, я подружился с шофером-чеченцем Тушой и вскоре стал его заменять. Он лежал на полевом стане в тени вагончика-бытовки, а я ездил к комбайну, затем к силосной куче и вместе с напарником мучился, ковыряя вилами силос. Но не зря говорят: лень – мать изобретательства. Как-то, разгружая машину, я обратил внимание на валявшийся в кузове буксировочный трос. Я подумал, что если кукурузные стебли так сильно переплетены между собой, то стоит всю эту массу потянуть снизу, она вся сползет. В очередной раз, прежде чем подъехать к комбайну, я расстелил трос широкой петлей на дне кузова, а концы вывел за борт. Загрузился, поехал к силосной куче, поднялся на нее, позвал тракториста. Тот зацепил концы троса, дернул – и стянул сразу весь груз.

Кончилось мучительное ковыряние вилами. Теперь мое дело было носить трос к комбайну и обратно, а разгрузка занимала секунды. Производительность труда резко увеличилась. Студенты отдыхали, Туша тоже. Пока он лежал, количество оплачиваемых ему ходок быстро росло. И комбайны теперь не простаивали. Так мы работали день, другой, вдруг, откуда ни возьмись, высокое начальство: секретарь райкома со свитой, председатель Жилин, парторг Пятница, бригадир Желтоножко, все в соломенных шляпах, и наша Черная пропаганда, в такой же шляпе. Приехали посмотреть, как трудятся студенты. Увидев, как разгружается очередная машина, секретарь спросил с любопытством:

– А шо це таке?

Председатель сказал:

– Вот, студент придумал, – и показал с гордостью на меня.

Я тоже несколько возгордился и приосанился, ожидая, что мне скажут что-то приятное.

– Гм-м! Гмм! Гм! – произнес, обдумывая увиденное, секретарь. И снова обратился к председателю: – И шо ж вы, значит, усе принимаете, шо вам тут студенты придумают?

Председатель не оробел и стал защищать новый метод, объясняя его очевидной экономической выгодой.

– Та яка там выгода, – замахал руками секретарь, – никакой тут выгоды немає. Ты подивись, шо робиться. Трактор ото ж усю кучу разом стягує, и рессоры разгинаються резко. Ты знаєшь, шо такое остаточная деформация? Это кода шо-нибудь сгинається-разгинається, а потом перестает разгинаться. А шо до рессор, то они вовсе сломаються. Так шо это все, шо студент придумал, отставит!

Так было погублено мое изобретение.

Продолжение следует